

Н. Ю. Живлова

«Царь коней Ирландии»: Серый (из) Махи и другие боевые кони в уладском цикле

В работах И. А. Маяк неоднократно подчёркивается значимость для изучения архаических европейских обществ индоевропейского наследия, генетической общности между культурами древней Италии и других индоевропейских народов; при этом необходимо обращать внимание и на доиндоевропейские, субстратные элементы (например, Маяк, 1983, с. 50-51). При этом важно и обращение к явлениям, которые не обязательно связаны друг с другом генетически, но, будучи типологически близкими, могут помочь объяснить возникновение и функционирование тех или иных элементов культуры в древнейших греческих и итальянских обществах. Поэтому неслучайным в работах И. А. Маяк оказалось обращение к средневековому ирландскому материалу (Там же, с. 93-94), данным о социальном устройстве и роде у древних ирландцев (Там же, с. 174).

Нам представляется, что вполне уместным будет здесь рассмотреть тему, которая уже давно привлекала внимание исследователей — тему лошадей и колесниц у древних индоевропейских народов. Неоднократно отмечалось, что ирландская традиция дополняет сведения древнегреческих и древнеиндийских источников об индоевропейском поэтическом языке и культуре (West, 2007, p. 16–17).

Традиционно в средневековой ирландской литературе выделяется мифологический цикл, уладский цикл (герои — Кухулин, Конхобар и другие), цикл Финна и так называемый королевский цикл, повествующий о деяниях королей Ирландии. Для уладского цикла прежде всего характерны частые упоминания колесниц и описания коней, считавшиеся признаком особой архаичности (Thurneysen, 1921, S. 84).

В основном внимание исследователей средневековой ирландской литературы сосредотачивалось на роли колесницы, ее строении, возможных индоевропейских параллелях или их отсутствии (Sayers, 1991; Sayers, 1994; Mallory, 1998), в меньшей степени — на роли колесничего (Sayers, 1981), и совсем мало внимания уделялось коням как таковым. В последнее время исследователи обращают внимание на возможные

источники ирландских описаний коней и колесниц в античной традиции, но при этом неизменно отмечается, что они являются неотъемлемой частью уладского цикла, и роль, отводимая им в сагах (только в «Похищении быка из Куальнге» — более ста упоминаний колесниц), выделяет уладский эпос на фоне других произведений средневековой ирландской литературы (Mallory, 1998, p. 462). Для других циклов колесницы в целом менее типичны и совсем нехарактерны подробные описания коней и их названия по именам.

На наш взгляд, в изучении саг существенную роль играет реконструкция фиктивной биографии персонажей. Построение биографии, существовавшей в сознании составителя / автора текста и его аудитории, но при этом не всегда эксплицитно отражавшейся в текстах, выявление в ней противоречий должно способствовать лучшему пониманию того, как функционировала ирландская традиция. В уладском цикле есть персоналия, которая встречается почти во всех ключевых сагах, но ещё ни разу не становилась предметом отдельного исследования. Мы имеем в виду Серого из Махи (Liath Macha) — коня Кухулина. Исследователи зачастую ограничиваются общими фразами о роли коня в эпосе и о неразрывной связи героя и его коня, в то время как основные детали «биографии» Серого остаются неясными.

Прежде чем говорить о персоналиях коней в уладском цикле, следует обратить внимание на названных по именам коней в других памятниках.

1. Индивидуализированные кони в средневековой ирландской литературе

В мифологическом цикле фигурирует ряд имен коней, но они не связаны прямо с каким-либо персонажем и их перечисление носит во многом условно-поэтический характер. В «Битве при Маг Туиред» Лох Леттлас перечисляет колесницы, возничих, плети и коней Племен Богини Дану (СМТ. 66). Одни клички коней выглядят обычно (Doriadha «Трудный для езды», Forsaid «Твёрдый», Laisad «Сверкание»), другие носят символический характер: Romuir «Великое море», Archedol «Поэзия», Rocedal «Великая песня» (Sayers, 1991, p. 32–33). В других источниках перечисляются по трое виночерпии, кравчие и псы Племен Богини Дану (точнее, «трех богов Дану», сыновей Бреса — Бриана,

Иухара и Иухарбы), и в их числе три коня — Athach «Порыв (ветра)», Gaeth «Ветер» и Side «Вихрь» (LL. L. 3910; LGÉ. IV. 134).

Значительную роль играют лошади в «Старине мест» — сборнике антикварных объяснений того, как появились названия тех или иных мест в Ирландии, как в их прозаическом (Rennes Dindsenchas), так и в стихотворном варианте (MD). Так, название Лох-да-Габар (Loch da Gabar, «озеро двух скакунов») объясняется тем, что в нём утонули кони короля Мунстера по имени Gaeth «Ветер» и Grian «Солнце» (MD. IV. 182–183).

Лошади упоминаются в цикле Финна, однако значимость коней как персонажей здесь гораздо меньше, чем в уладском цикле. Так, в «Беседе старцев» (Acallamh na Senórach), крупнейшем тексте о Финне, герой Кайлте рассказывает святому Патрику, что первоначально у фениев не было коней: они добыли в Британии в бою пару лошадей — сине-черную (dubhghorm) и бурую (donn), от которых пошли все кони фениев (Acall. 8). О завозе лошадей из Британии (ech bretnach) для улучшения породы упоминают юридические тексты; об этом говорит и древнеирландский термин для хорошей кобылы — gaillit от gall 'галльский, иностранный' (Kelly, 1997, p. 90–91).

Затем в стихотворении «Мне знакомы кони фениев...» (Aithnid damh eich na Féinne) Кайлте перечисляет коней и их владельцев; имена коней в тексте далее не упоминаются (Acall. 8–9; Knoch, 1943, S. 166–167)¹. Кайлте уточняет, что после появления лошадей были сделаны и колесницы, однако в поэме персонажи, как правило, перечислены вместе с одной лошастью, на которой, видимо, ездили верхом. Прямо о запряжке коней в колесницу говорится только применительно к супруге Финна — Альбе: у нее были Gerr in óir и Gerr in arcait (буквально — 'мерин (или: пони) золота' и 'мерин серебра')²; подразумевается, что Альбе, как женщина, ездила более безопасным образом. Два коня (Dub esa, Dubh thuinne — «Черный водопада» и «Чёрный волны») были у неизвестного по другим источникам героя, Энгуса Англуинне³. Финн владел двумя конями — Concenn «Собачья голова» и Glas

¹ Все переводы иноязычных текстов в статье принадлежат нам, если не оговорено иное.

² Либо от gerr «короткий», либо от gerraid «кастрировать» (Kelly, 1988, p. 91).

³ Скорее всего, имя (буквально — «Энгус подвига», anglond) придумано ad hoc для рифмы с tuinne.

gaillmhe «Серый (из) Голуэя», но о колеснице прямо не говорится¹. Путешествуя с Патриком, Кайлте получает колесницу в подарок от короля Лейнстера Эохайда Летдерга; в нее запряжены лошади, которых зовут Эрр и Инделл (Acall. 134). Следует отметить, что имя лошади Конхенн, а также имена Эрр и Инделл фигурируют и в уладском цикле (см. ниже).

Для королевского цикла упоминания отдельных лошадей, как и подробные описания их внешности нехарактерны: это касается как легендарных королев дохристианского периода, так и исторических. Можно привести лишь единичные примеры. Так, в так называемых Míonannala (фрагментарных анналах из рукописи Egerton 1782, в основном содержащих легенды о королях VII–VIII вв.) назван по имени конь короля Тары Диармайда (ум. 664) — Grib «гриф(он)» (SG. I. 399).

В агиографической литературе кони, как и колесничие, играют значительную роль. Распространены мотивы, связанные с чудесными лошадьми, иногда «неземных» цветов («гиацинтовые»), в том числе подводными. Нередко в житиях фигурирует колесничий, как защитник и помощник святого; иногда святой лично выступает в роли колесничего, давая своей колесницей грешников. Особенно интересны мотивы, связанные с падением святого с колесницы и с «шумом колесницы под королем»: по шуму колесницы друид или епископ предсказывает, что в ней находится (как правило, ещё в утробе матери) будущий святой; см. подробнее об этих сюжетах нашу работу (Chekhonadskaja, 2007). Однако детальные описания коней, как и индивидуализированные кони со своими именами для агиографических сочинений также нетипичны.

2. Названные по имени кони в уладском цикле

2.1. *Кнамрад и Круан*. Несмотря на важность колесниц и коней в уладском эпосе, имена коней там упоминаются не так часто. Так, Р. Турнейзен (Thurneysen, 1921, S. 701–703) дает отдельный указатель собственных имен животных и предметов, играющих существенную роль в сюжете саг уладского цикла. Всего им отмечено шесть имен лошадей: Кнамрад (Cnámrad), Конхенн (Conchenn), Круан (Cruan), Дерг

¹ В другом тексте, известном, как «Дружина Финна» (Muintir Finn) упоминаются колесничий Финна по имени Rinnchú и его «два командующих конницами» (dá tháisech marcluagh) — Аэна и Бекан (SG. I. 93).

Друхтах (Derg Druchtach), Дуб Сайнглени (Dub Sainglenn) и Лиат Маха (Líath Macha). Для сравнения: столько же (шесть) упомянуто имен собак, и семь имен свиней; больше всего — имен мечей (восемь)¹. Отметим, что, несмотря на важность для ирландской традиции генеалогий в целом, какие-либо попытки выстраивать родословные лошадей в ней, насколько нам известно, отсутствуют.

Из прозаической «Старины мест» известно предание об Урарде, отце четырех колесничих, которые служили Орламу, сыну Айлиа и Медб. Урард погонял коней так, что они обезумели и убили его в месте под названием Фан Круайн (coro dianaigh a eocho .i. Cnamrad 7 Cruan a n-anmann — coro daised 7 coro dergenset a aided i Fan Chruain) (Rennes Dindsenchas, 144: Áth nGabla ocus Urard). Имена коней весьма красноречивы: Spáimrad «куча костей» и Cruan «алый» (прилагательное с неясным значением «алый, темно-желтый», как существительное «бездна, ад»; возможно, то же самое, что crúan «(красная) эмаль»). От них производятся топонимы Тулах Кнамрай (Tulach Cnamraid, буквально «курбан кучи костей») и Гленн Круайн (Glenn Cruain, буквально «долина ада»). В стихотворной «Старине мест» также упоминаются Круан и Кнамрад; следует обратить внимание на имена сыновей Урарда в этом варианте: Фраэх, Фохнам, Эрр и Инделл (MD, IV, 78-81) — вероятно, на последних основаны имена коней Кайлте в «Беседе старцев».

2.2. *Кони Лоэгайре и Коналла Кернаха*. Красная Роза (Derg Druchtach). В саге «Пир Брикрена» содержится подробное описание героев и их коней: дочь королевы Медб рассказывает о них матери, которая узнает их по описанию. Известно, что во многих сагах употребляется так называемый watchman device — когда один из персонажей пересказывает другому слышанное и виденное, а тот опознает людей и животных по этому рассказу. При этом кони Лоэгайре и Коналла Кернаха обрисованы очень подробно, но их имена остаются неизвестны читателю.

Кони в колеснице Лоэгайре не индивидуализированы: оба они brecglassa comdatha «серые в яблоках, одной масти», forbrecsa «пятнистые сверху» (LU. II. 8591–8593).

Кони Коналла Кернаха описаны по-разному. Один из них cenand cróndatha «белоголовый, бурого цвета», второй — derg taullethan

¹ Список «личных имен» предметов вооружения можно было бы значительно расширить за счет списка из саги «Сказание о Конхобаре, сыне Несс», который у Турнейзена полностью не приводится.

«красный с широким лбом» (LU. I. 8630). По другим источникам известно имя рыжего коня Коналла — Дерг Друхтах (Derg Druchtach), Красная Роза, буквально «красный росистый»; под «росой» имеются в виду капли крови, которыми обрызган герой и его кони. Красная Роза характеризуется таким образом: «Собачья голова на ней, уничтожает она людей в сражениях и в схватках» (Cend con fuirri-side for-dibad na figu isna cathaib 7 isna irgalaib) (BMM-A. 29). В сражениях участвует и конь Кухулина Серый. В «Пире Брикрена» он убивает пони (gerrán) Эркола, который до этого убил коня Лоэгайре и коня Коналла: судя по всему, кони сражаются один на один и о наличии других коней у героя или его противника не говорится (LU. I. 8921-8928).

Возможно, второй, «красный» конь Коналла из «Пира Брикрена» и есть Красная Роза, но прямых указаний на это нет. Далее, описывая коней Кухулина, автор «Пира Брикрена» явно имеет в виду Серого и Черного, но не называет их (их имена были упомянуты в саге выше); возможно, подразумевалось знание аудитории и имен коней Лоэгайре и Коналла.

Один из поздних вариантов предания о гибели Кухулина, озаглавленный «Алая атака Коналла Кернаха», упоминает о двух конях Коналла: Красной Розе и Конхенне Кромфада (Coincheann Cromfhada, буквально «Собачья Голова Криво-Долгий»), неизвестном по другим источникам. Коналл, узнав о гибели Кухулина, с такой силой гонит своих коней, что у Конхенна «разбились внутренности» (bhriseadar a innidhe innti) и он погиб (DRCC, 6). М. Доббс справедливо предположила, что приведенное выше описание коня с собачьей головой — Красной Розы — и появление у Коналла второго коня по имени «Собачья голова» взаимосвязаны; по ее мнению, вариант с двумя конями изначальный, хотя, скорее всего, дело обстоит наоборот (Dobbs, 1929, p. 123).

Далее Коналл едет на одном коне; при этом говорится, что он «третий муж, доселе совершивший скачку на одном коне в Ирландии, то есть: Лугайд Ламфада в битве при Маг Туиред, где он убил Финне Фомора¹, и Кухулин, сын Суалтаха (sic) на Лиат Махе в Большом поражении при Маг Муиртемне и Коналл Кернах на Дерг Друхтах в Алой атаке» (DRCC. 6).

Параллель между Лугом, Кухулином и Коналлом очень интересна. К сожалению, в литературе практически нет исследований, посвящен-

¹ Автор саги, видимо, принимает слово fine «род» за личное имя.

ных лошадям в так называемом «мифологическом цикле» (см. выше). Как отмечает Д. Мэллори в статье о материальных аспектах мифологического цикла, упоминания колесниц в нем лишены конкретики (отсутствуют подробные описания частей колесницы и сбруи); само слово «колесница» в двенадцати основных сагах мифологического цикла, включая «Книгу захватов Ирландии», упомянуто только семь раз (Mallory, 1993, p. 10-12). Согласно псевдоисторическим схемам, колесницы стали изготавливаться только впоследствии, при сыновьях Миля: Ротехтаду приписывалось изготовление первой колесницы с четырьмя конями (*carpat cethri n-ech*) (LGÉ. V. P. 244-245); согласно другой версии, колесницу сделал мунстерский король Ригаирлед (CGSH, 199). В то же время Луг считался изобретателем «фидхелла, (игры в) мяч, и конских хлыстов, и собраний» (*fidchill 7 liathriot 7 echlasc 7 oenach*), то есть тем самым и традиционных в древней Ирландии скачек во время племенных сходок (LGÉ, IV, 128). В валлийской традиции Луг рассматривался как образцовый всадник; как указывает Дж. Кук, герои сравнивались с «конем Луга» (*Marchlou*) (Koch, 1987, p. 275-276). «Триады острова Британии» называют имя лошади Луга — Мелинган Мангре (*Melyngan Mangre*), что приблизительно может означать «Желто-белая (возлюбленная?) жеребца» (ТҮР, 97-98).

В «Битве при Маг Туиред» Луг ушел от тех, кто охранял его и отправился на битву в колеснице (*conselu Lug asa coimét a mboí ina cairptech*) (СМТ, 58), однако в саге ничего не упоминается об устройстве колесницы и о том, сколько было в ней лошадей. Непосредственно вслед за этим рассказывается о том, как Луг с пением обходил войско Племен Богини Дану на одной ноге и закрыв один глаз (*for lethchois 7 letsúil*) (СМТ, 58). Возможно, поездка Луга на одной лошади коррелирует с его «одноглазостью» и «одноногостью»¹.

Несколько забегая вперед, следует остановиться на третьем эпизоде из этой триады — поездке Суалтайма, приемного отца Кухулина, на Сером. Суалтайм отправляется, чтобы предупредить уладов об опасности, с которой в одиночку борется Кухулин: «Суалтайм отправился вперед на Сером Махи (как на) одной лошади для предупреждения уладов» (*táinic Sualtaim reime forin Liath Macha d'óneoch go robtaib leis do Ultuib*) (ТВС II, 111). Здесь также особо подчеркивается тот факт, что

¹ Вспомним, что в перечислении коней Луга в «Битве при Маг Туиред» встречаются имена «Поэзия» (*Airchedal*) и «Великая песнь» (*Rocedal*) (СМТ, 66).

Суалтайм ехал только на одной лошади, что, как и в случае с Коналлом, носит зловещий характер: Суалтайм гибнет, поскольку Серый «содрогнулся» (*driuctrais*) и собственный щит Суалтайма отрезает ему голову.

3. Серый и Чёрный — кони Кухулина

3.1. *Рождение двух жеребят*. Сведения о том, как Кухулин получил своих коней, противоречивы. В различных вариантах саги о зачатии Кухулина упоминается о жеребятках, которые были рождены одновременно с ним, но они не названы по имени. В то же время, когда в уладском цикле появляются имена Серого из Махи (*Líath Macha*) и Чёрного из Чудесной Долины (*Dub Sainglend*), при этом говорится, что кони появились из озера, а после кончины Кухулина ушли обратно под воду (как минимум один из них).

В саге «Зачатие Кухулина», когда Дехтире берет ребенка, рожденного в потустороннем доме, тут же «в дверях» дома кобыла рождает двух жеребят. В саге употреблено редкое слово *lurchaire*, производное от *lair* «кобыла», причем в женском роде — *dí lurchure*¹ (LU), что уже в древнейшем варианте «Книги Бурой коровы» глоссируется более обычным обозначением жеребенка *serrach* (*dá serrach*). Имена жеребят не упоминаются, и об их судьбе после смерти ребенка, рожденного в доме, ничего не сообщается (Thurneysen, 1912, S. 36). Во втором варианте «Зачатия Кухулина» (известном под названием «Праздник дома Бекфолы», *Feis Tige Becfoltaig*, Stowe D 4. 2) о жеребятках не упоминается. Рождение животных — чудесных помощников — одновременно с героем встречается не только в ирландской, но и в средневековой валлийской литературе (Rees, Rees, 1961, p. 231). Безусловно, такой сюжет не является привилегией только кельтского эпоса: он распространен и у тюркских народов, где иногда кобыла выкармливает вместе с жеребёнком и героя (Липец, 1984, с. 127-129).

3.2. *Чёрный из Чудесной долины (Dub Sainglend)*. Хотя в колесницу Кухулина, как и в любую другую, были запряжены два коня, отдельно Чёрный упоминается редко; в «Пире Брикрена» сообщается, что он, как и Серый, был найден в озере: «тем же образом он нашёл Чёрного Чудесной Долины в Озере Чёрного Чудесной долины» (*fuair in Dub Sainglend a Loch Duib Sainglend*) (LU, l. 8463). Озеро Чёрного Чудесной

¹ В более позднем варианте Eg. 1782 мужской род — *da laurcuiri*.

Долины существует: его современное название Лохдафф (Loughduff) в приходе Карнкасл, графство Антрим (Оном. 498). После гибели Кухулина он снова скрывается в озере: «После этого Чёрный из Чудесной Долины ушёл от него с половиной ярма, и вошёл в Озеро Чёрного в области Мускрайге Тире. Это оттуда он вышел к Кухулину. И туда он вошёл, и закипело от этого озера» (BMMM-A, 23). Еще одно упоминание о нём содержится в так называемом «плаче Эмер» (Núallguba Emire) в конце BMMM: «Уложили (?) Чёрного из Чудесной Долины, зное лежание (olc lige)» (Leggur Dub [S]ai[n]glend, BMMM-A, 31). Мотив ухода (гибели) одной из лошадей в колеснице, возможно, лег в основу предания о гибели Конхенна (см. выше).

В поздних вариантах предания о гибели Кухулина имя Черного переосмысливается, и его именуют *Dubhfhaioleann*, буквально «Черная Чайка» (от *fáilenn* «чайка»). В «Алой атаке Коналла Кернаха» колесничий Кухулина Лаэг добирается до Эмайн Махи верхом на Черном: скорее всего, это попытка рационально объяснить, почему Кухулин остался лежать на поле боя вдвоем с Серым (DRCC, 3).

3.3. *Серый (из) Махи (Liath Macha)*. Серый выделяется в уладском цикле как яркая индивидуальность. Его особое положение подчеркивается определением «царь коней Ирландии» (*rí ech hÉgrend*), которое дают ему враги Кухулина (BMMM-A, 23). Серый упоминается во многих сагах уладского цикла — «Похищение быка из Куальнге» (Лейнстерская книга), «Пир Брикрена» и другие. Отметим, что в первой версии «Похищения быка из Куальнге» (TBC I) имена коней Кухулина не упомянуты вообще, а во второй (TBC II) имя Серого фигурирует лишь трижды: дважды в эпизоде с поездкой на нем Суалтайма (см. выше) и однажды в беседе Фергуса с Медб, где Кухулин именуется «наездником Серого Махи» (*marcach Léith Mache*) (TBC II, 12).

Серый был неотъемлемой собственностью Кухулина и, видимо, гордостью всего народа уладов. Так, в саге «Смерть Ку Рои» (Thurneysen, 1913, S. 192) Ферхертне, поэт Ку Рои, короля Мунстера, обращается к уладам с настойчивой просьбой (*ailges*) отдать ему Серого. Ферхертне уводит коня, так как отказать поэту в просьбе означало бы для уладов поступиться своей честью¹. Требование Ферхертне можно сопоставить

¹ В саге не сообщается, как Серый попал обратно к Кухулину: скорее всего, Кухулин смог забрать коня, когда убил Ку Рои.

с требованиями Атирне, поэта короля уладов Конхобара (в саге «Осада Эдара»), которому король Лейнстера в аналогичной ситуации был вынужден отдать собственную жену. Высокий статус поэта, который мог опозорить короля и целое племя обвинением в скупости, использовался в межплеменных отношениях как средство для унижения потенциального противника (Живлова, 2012). Оскорбительность поведения Ферхертне подчёркивает высокую значимость Серого.

Само имя *Liath Macha* нуждается в комментариях. Слово *liath* означает «седой» (как существительное — «ветеран, старик») применительно к людям и «серый» о цвете (DIL, s. v. *liath*). Ещё одно животное с таким именем — это упомянутый в цикле Финна олень — *Liath na trí mbenn*, «Серый с тремя рогами»: здесь определение «серый / седой» обозначает возраст и опытность оленя, которому двадцать семь лет удавалось ускользать от Финна и фениев (Acall. 26). Старость и (или) опытность коня Кухулина в текстах не упоминается: речь, видимо, идёт чисто о цветовом определении. По имеющимся сведениям, наиболее престижным цветом коня в древней Ирландии считался белый (Kelly, 1997, p. 91–92). Вопрос о цветовой символике в древнеирландской культуре неоднократно рассматривался, и мы не будем здесь к нему обращаться; можно отметить лишь, что серо-седой цвет (*liath*) ассоциировался с северо-западом, располагаясь между севером, которому приписывался чёрный цвет (*dub*) и коричнево-бурым западом (*odur*) (Siewers, 2009, p. 98–100).

Иногда встречающийся перевод «Серый из Махи» не вполне корректен: речь, скорее всего, идет о «Сером Махи». Это имя можно понимать в географическом аспекте как «имеющий отношение к Эмайн Махе» (резиденции короля уладов), однако могут быть и другие толкования. В ирландской традиции известно несколько персонажей по имени Маха. Сама Эмайн Маха получила своё название от Махи, жены улада Крунниука: её заставили бежать наперегонки с лошадьми короля, и она умерла, родив двоих близнецов. Интересную мысль высказал П. К. Форд, сопоставивший эпизод бега Махи с состязаниями колесниц в «Илиаде», где одним из призов на скачках во время погребения Патрокла была жеребая кобыла, беременная мулом (Ford, 2000, p. 51–52). Известны также Маха — жена Немеда, третьего завоевателя Ирландии, Маха — супруга короля Кимбаэта и другие персонажи с таким именем (Olmsted, 1994, p. 169–170). В «Книге захватов Ирландии»

недвусмысленно говорится, что первоначальной владелицей Серого была богиня Маха, дочь Делбаэта из Племян Богини Дану «Маха, дочь Делбаэта: это у неё был Серый Махи, от Махи, дочери Делбаэта он был назван» (*Macha ingen Dealbaith, is aici robai in Liath Macha, o Macha ingin Delbaith ro hainmniged; LGÉ, IV, 188*); её сёстрами названы богини Бодб и Морриган.

Г. Олмстед попытался связать коней Кухулина с легендой о состязании Махи с королевскими скакунами: «Деталь о рождении близнецов в конце скачек напоминает изображения Эпоны между двумя жеребятами из северо-восточной Галлии. Хотя в ирландском мифе Маха рождает мальчика и девочку, а не жеребят, возможно, что в более раннем варианте она рождала жеребят. Знаменитые кони Кухулина, обладавшие человеческим разумом — Дуб Сайнгленн «Черный из Сайнгленна» и Лиат Маха «Серый Махи». Возможно, имя Лиат Маха все-таки указывает на его происхождение. Кроме того, согласно «Зачатию Кухулина», жеребята-близнецы родились в то же время, что Кухулин» (Olmsted, 1994, p. 171).

Соблазнительно выглядит сопоставление родившихся одновременно с Кухулином жеребят с близнецами, рождёнными Махой. В то же время, как уже было отмечено, там, где в сагах называются имена коней — Серый и Чёрный — говорится, что этих коней Кухулин нашёл в озере. В саге «Пир Брикрена» Кухулин говорит, что не может сражаться, так как слишком устал: это был тот самый день, когда он обрёл Серого «на берегу Серого озера» (*hi taib Lindi Leith. hi Sleib Fúait*) (LU, l. 8459). Кухулин «напал» (*ro selaig*) на него, когда он выходил из озера (*iar tichtain dó asind loch*) и обхватил его руками за шею. Укрощая коня, он объехал всю Ирландию; герой посетил «великие жилища / земли Ирландии» (*morbrugi Erend*) (LU, ll. 8465–8465). Мотив укрощения волшебной лошади из озера известен и в современном ирландском фольклоре: так, в сказке графства Голуэй юноша объездил лошадь из озера, обхватив её шею поясом; она получила прозвище «Кобыла пояса» (*Láir na Beilte*) (Ó hÓgáin, 1977–1979, p. 238–239).

Рассказ о происхождении коней Кухулина из озера любопытно сопоставить с рядом топонимических легенд, где, напротив, водный поток или озеро появляется благодаря коню. В саге «Сватовство к Эмер» Кухулин говорит, что пришёл *for úan dá ech n-Emna*, буквально — «по пене двух коней Эмайн» (CCC, 26). Этому дётся следующее объяснение:

в Ирландии был король по имени Немед, сын Немы, который получил на воспитание двух коней из сидов; когда они вышли из сида, за ними вырвался поток, покрытый пеной, отсюда и название *Úanub*, «река пены» (CCC, 36; MD, IV, 302–303). Г. В. Бондаренко сопоставляет этих двух коней Немед с конями, с которыми пришлось состязаться Махе, обращая внимание на то, что муж уладской Махи Крунниук, как и легендарный Немед, у которого также была жена по имени Маха, назван «сыном Агномана» (Бондаренко, 2007, с. 137–138).

Происхождение озера Лох-Ней связывалось с именем героя Эохайда, сына Майреда: бог Энгус дал ему своего гигантского коня для бегства. Эохайд забыл отпустить коня до того, как тот помочится, о чём его предупреждал Энгус: от мочи коня возникает колодец. Эохайд закрывает колодец крышкой; через девятнадцать лет его открывает женщина и происходит потоп (MD, IV, 62–69). Аналогичная история есть и о происхождении озера Лох-Ри: здесь коня даёт бог Мидир. От его мочи также возникает колодец, который закрывают крышкой и который через тридцать лет разливается в озеро, когда крышку открывают (Rennes Dindsenchas, 79: Loch Rí; MD, III, 450–459). Разлив реки или озера в результате нарушения женщиной запрета и появления реки из божественного тела встречается и других произведениях средневековой ирландской литературы (подробнее см.: Бондаренко, 2007, с. 41–45). С другой стороны, возникновение водоёма из мочи жеребца сопоставимо с эпизодом (некогда опущенным издателями «Битвы при Маг Туиред» по цензурным соображениям), где после совокупления с дочерью короля фоморов Индеха бог Дагда оставляет пруд своей мочи и пруд семени (Olmsted, 1994, p. 47).

Название *Linn Léith* или *Linn Liath* («Озеро Серого» или «Серое Озеро»), откуда вышел чудесный конь и куда он вернулся после кончины Кухулина (Onom. 491) и другие топонимы, связанные с именами лошадей Кухулина, не поддаются идентификации: это прежде всего «Ложе Серого из Махи» (*Lige in Léith Macha*) (Onom. 489). Оно отождествляется со «Стойлом (или: Коновязью) коня Кухулина» (*Echlasach Conchulainn*); по пояснению в «Беседе старцев» (которая относится к циклу Финна), *Echlasach Conchulainn*, оно же «Стойло коня Кухулина» находилось между бывшей резиденцией Кухулина, Дун Делка (современный Дандалк) и морем (*Acall. 66*). По другим источникам,

«Ложь Серого из Махи» было расположено между Бродом Колесниц (Áth na Carpat) и Дун Делка (Оном. 489). Не идентифицируется более конкретно и топоним «Тюрьма (или Стойло) Серого Махи» (Carcar Léith Machae), находившийся близ Бруга на Бойне (Rennes Dindſenchas, 4: Dindgnai in Broga).

Топонимы, приведенные в «Беседе старцев», заставляют предполагать, что на земле уладов могла быть известна могила Черного и Серого — «Курган коней, в котором (лежат) Серый Махи и Черный Чудесной Долины» (Raith na hecraide inad in Duib-sai[n]glenn 7 in Leith Macha) (Acall. 158). Скорее всего, автор «Беседы», работавший на рубеже XII-XIII в., был знаком с различными версиями саги о гибели Кухулина и создал «древние» уладские топонимы, основываясь на надгробном плаче Эмер в саге, где она оплакивает Кухулина и его коней, используя те же формулировки, в том числе «ложь (героя) с тисовым щитом» (learpaid na hiubraige), которое также фигурирует в «Беседе», как топоним.

3.4. *Описания коней Кухулина.* Особым вопросом при рассмотрении роли Серого и Черного в сагах уладского цикла является узнаваемость их образов для персонажей саг (см. об этом также выше). У. Сэйерс, рассматривая описания лошадей в уладском цикле, обратил внимание на то, что схема этого описания¹, а также некоторые эпитеты возникли отчасти под влиянием «Этимологий» Исихора Севильского (Sayers, 1994).

В первой версии «Похищения быка из Куальнге» кони Кухулина, как уже было сказано, не названы по именам. Описаны они абсолютно одинаковыми по стати и, видимо, породе — «маленькие головы, маленькие черепа, маленькие морды, остроухие» (cendbeca cruindbeca corrbeca biruich), и по масти — «с красной грудью» (bruinnederg). Они отличаются лишь незначительными особенностями — одна из них lugaid (эпитет коня неясного значения, возможно — «гибкая») и lúathlémnach «быстроскачущая», túagmar «с изогнутой шеей» (буквально — «изгибо-великая»), другая — «кудрявогривая, узконогая, тонконогая» (casmongach cascháel coseng) (ТВС I, 69). Одинаковость масти подчеркивается и при упоминании коней Конхобара: na dá chendbricc «двое пестроголовых» (ТВС II, 30). У. Сэйерс предположил, что

¹ У Исихора лошадь оценивается по четырем параметрам: внешность (forma), красота (pulchritudo), ценность (meritum) и масть (color).

акцент на одинаковости коней в упряжке — следствие приводимой у Исихора этимологии слова «лошадь»: «Лошади (equi) называются так потому, что когда их впрягают в квадриги, они уравниваются (aequabantur), и при этом объединяют одинаковых по облику и подобных по ходу» (Sayers, 1994, р. 234, 240). На наш взгляд, подбор одинаковых по цвету и другим параметрам коней для упряжки — явление настолько универсальное и очевидное, что упоминание о нём не нуждается в таких объяснениях.

В других сагах появляются узнаваемые образы «серого» (líath) и «черного» (dub) коня. Так, описывая коней Кухулина, автор «Пира Брикрена» подчеркивает их масть: «конь серый с широким крупом... другой конь угольно(?)-черный¹ с гордой головой...» (ech líath lesslethan... araile ech círdub crúaidchend...) (LU, ll. 8659, 8665). Нелишне отметить, что для различения коней здесь использованы те же параметры внешнего облика и поведения, что и в ТВС I (где изображены кони одной масти): серый конь охарактеризован, как lúath «быстрый» и lúamnach «скачущий», а также túagmong «с изогнутой шеей», а чёрный — как coelchos «тонконогий» и casmongach «кудрявогривый». В саге «Сватовство к Эмер» (где описание колесницы, по мнению У. Сэйерса, во многом зависит от «Пира Брикрена») Фиал, описывая Эмер колесницу Кухулина, сначала подчеркивает, что кони «одинаково велики, одного облика» (commora comchrotha), и затем говорится о быстроте (lúath) и изогнутой шее (túagmongach) серой лошади, а черная именуется «тонконогой» (célchossach) и «кудрявогривой» (casmongach) (CCC, 24).

В более поздней саге «Призрачная колесница Кухулина» Серый и Черный немедленно узнаваемы для живущего в V в. короля Лоэгайре: он отмечает, что кони Кухулина «одинаково велики и прекрасны» (commóra commaille), но у них «разный облик и масть» (co sain delba 7 datha) (LU, l. 9254); король понимает, что в колесницу Кухулина запряжены Серый и Черный, хотя конкретная масть и отличия в деталях облика коней в саге не уточняются.

¹ Значение лексемы sír, которая часто встречается в сочетании со словом dub 'черный', не вполне ясно. Ж. Вандриес сопоставлял ее с основой *kēi 'темный', ср. др.-исл. hátt 'седой' (LEIA, C.105).

3.5. *Гибель коней Кухулина*. Особенно велика сюжетная роль, отведенная Чёрному и Серому в сагах о смерти Кухулина.

Известно две версии предания о гибели Кухулина. Первая (версия А, по Р. Турнейсену) (Thurneysen, 1921, S. 548) содержится только в «Лейнстерской книге». Вторая (версия В), написанная на средне- и ранненовоирландском языке, встречается во многих рукописях. Изучение этих текстов облегчилось благодаря двум появившимся в 2009 году работам об этой саге: изданию древнейшего её варианта Б. Кимптон (ВМММ-А) и диссертации Ю. С. Кюнс (ВМММ-В), посвящённой различным позднесредневековым прозаическим и поэтическим версиям.

Различные версии «Большого поражения на Маг Муйртемне» неодинаково описывают судьбу Серого. Вариант LL сам по себе противоречив: сначала Серый гибнет от одного из трех копий, подготовленных сыновьями Калатина для мести Кухулину; Кухулин выдергивает копьё из тела коня и они прощаются друг с другом (*celebrais cách dia chéile díb*) (ВМММ-А: 22). Серый с половиной ярма на шее бросается в «Озеро Серого». Только после того, как смертельный удар получает Кухулин, его покидает Чёрный (ВМММ-А, 23); сам конь, судя по всему, не ранен.

Затем, когда Кухулин умирает, стоя у камня, Серый снова приходит к нему, «чтобы охранять его, пока в нём была душа, и сияние героя продолжало исходить от его чела» (*dia imchomét i céin ro-boí a anim and 7 ro-mair in lón láith assa étun*) (ВМММ-А, 23). После этого конь совершает «три алых атаки (*dergrúathra*) вокруг себя, так что пало пятьдесят (человек) от его зубов, и тридцать — от каждого его копыта» (ВМММ-А, 23). Придя отомстить за Кухулина, Коналл Кернах встречает Серого, который направляется к озеру, видимо, снова с половиной ярма, так как Коналл обращается к нему: «Не сможешь (донести) ярмо до Озера Серого» (*Ní cumgid cuinge co lLind Léith*, ВМММ-А, 25). Коналл и Серый подходят к телу Кухулина; конь кладет голову ему на колени (этот эпизод сближался с эпизодом из жития святого Колумбы, где белый конь кладет голову на колени умирающего святого). Затем Серый отправляется проститься с женой Кухулина, Эмер, обходит посолонь Дун Имрид и Дун Делга, где жил Кухулин. Эмер обращает свой плач по Кухулину к Серому.

В Версии В отравленное копьё пронзает одновременно Чёрного и Кухулина; Серый остается запряженным в колесницу один. Явившись на поле боя, Коналл видит Серого, пронзенного копьем (при этом мы узнаем, что Серый был запряжен в колесницу слева, *da leith cli*). Он пытается запрячь его в свою колесницу, но Серый убегает от него и тонет в озере (ССС, 117; ВМММ-В, II, 60-61).

4. Заключение

Собранные нами данные, как кажется, позволяют утверждать, что образ Серого (из) Махи является контаминацией двух различных мотивов — добытого из-под воды коня (кобылы?), на котором герой едет верхом, и который может приносить герою несчастье, и коня или двух коней, запрягавшихся с колесницу и рожденных вместе или одновременно с героем.

Наряду с образами коня-«близнеца» героя и подводного коня, в ирландской традиции мы видим и сюжет о мёртвом коне, принадлежащем богине смерти и битвы. В саге «Похищение коров Регамны» Кухулин встречается с богиней Бодб, сидящей в колеснице, в которую запряжена «одна красная лошадь и одна нога под нею и оглобля колесницы проходит сквозь ту лошадь так, что выходит через переднюю сторону лба спереди» (*oenech derg foa 7 oencass fo suidiu 7 síthue in charpuit sethnu ind eich conn dechuid geinn trit fri fosad a etain anair*) (TBR, 242). Пронзенного копьем Серого, несущего на себе половину ярма, можно сравнить с мертвым конем Бодб; Э. Росс сопоставила этот образ с рассказом Геродота о погребении скифских царей с насаженными на кол лошадейми и всадниками (Ross, 1967, p. 284–285). Если вспомнить возможный перевод имени Серого — Серый Махи, а не Серый из Махи — можно сказать, что он возвращается к Махе, богине войны и смерти, которой первоначально принадлежал.

Яркая индивидуальность Серого может говорить о том, что из двух коней Кухулина изначально именно он был конем, пришедшим из озера и изначально герой ездил на нём верхом, так же, как ездил верхом Коналл Кернах на лошади-убийце Красной Росе. Именование Кухулина «наездником Серого из Махи» в «Похищении быка из Куальнге», видимо, является намёком на историю о том, как Кухулин объезжал своего

коня¹. Как подчёркивает М. А. Уэст (West, 2007, p. 468), индивидуализация одного из коней, запряжённых в колесницу, для индоевропейской эпической традиции нетипична: общаются с хозяином те кони, на которых ездят верхом (the horses that are on speaking terms with humans are normally ridden horses), и говорящий с Ахиллом Ксанф в «Илиаде» скорее исключение, а не правило. В ряде традиций встречается мотив чудесного (летающего, говорящего) коня, добытого из-под воды, которого нередко приходится укрощать: в армянском эпосе конь Джалали был найден героем в палатах в море (Боура, 2002, с. 208).

Серый отказывается идти в сражение, чувствуя близкую гибель хозяина (об этом мотиве см.: Зайцев, 2003), охраняет погибшего. У. Сэйерс предположил (Sayers, 1994), что мотивы сражающегося коня, коня, стерегущего и оплакивающего мёртвого всадника, и мести коня за хозяина отчасти пришли из греко-римской традиции, в частности, из Исидора Севильского (*Quidam hostes in bello sentient, adeo ut adversarios morsu petant... Interfectis vel morientibus dominis multi lacrimas fundunt*). Безусловно, подобные сюжеты не являются достоянием только античного эпоса: в тюркской и монгольской традиции боевой конь также сражается с врагами, убивает других коней и охраняет мёртвого или раненого хозяина (Липец, 1984, с. 214–217).

Роль Серого двусмысленна: он верно служит герою, но в то же время губит отца Кухулина, Суалтайма и возвращается в озеро, оставляя Кухулина во время сражения. Наряду с образом чудесного коня-помощника, в фольклоре и эпосе Евразии известен образ дьявольского коня, изначально враждебно настроенного к человеку, демона в облике лошади, иногда уродующего и пожирающего людей (Березкин, Н51, Дьявольский конь). Так, в алтайском эпосе фигурирует конь-оборотень «тёмной злой силы земель и вод»; едва не погибнув от зловещей твари, герой, наконец, обретает своего истинного коня (Липец, 1984, с. 206). В ведийской и более поздней индийской традиции зловещая роль принадлежит подводной кобыле, которая несет в себе неугасимое пламя, способное разрушить мир. Близка ирландским сюжетам буддистская

¹ Отметим, тем не менее, что, как мы видели выше, Чёрный также связан с озером и озеро, из которого он пришел, более четко локализуется на карте. В валлийской традиции чудесный водяной конь представлен именно черным (Du Moroed) (Bromwich, 1997, p. 110).

притча о белой кобыле-демонице с красными ногами¹, обитавшей в озере: царю удалось подчинить ее себе, схватив за гриву, и отправиться на битву (O'Flaherty, 1971, p. 16).

Двойственность серого и чёрного коня напоминает о мифе, служащем основным сюжетом «Похищения быка из Куальнге» — борьбе белого быка Финдбennaха (Белорогого) и чёрного быка — Донна Куальнге. Г. Олмстед, развивая тему о близнецах, рождённых Махой после состязания с королевскими конями, отмечает, что, согласно «Старине мест», сыновьями Крунниука (подразумевается, что и Махи) были Рухт и Рукне: пройдя ряд перерождений и побывав лососями, волками, призраками, червями, они возродились, как два могучих быка, которым суждено было сразиться — Финдбennaх и Донн (Olmsted, 1994, p. 171; Rennes Dindŕenchas, 66: Áth Luain). В авестийской литературе связанный с водой дух звезды Тиштрья обретает облик пятнадцатилетнего юноши, быка с золотыми рогами и белого коня с золотыми ушами. Тиштрья сражается с демоном Апаошей, который является в виде страшного чёрного коня: при этом море закипает и поднимается пар (Olmsted, 1994, p. 273–275). Олмстед отмечает здесь неясность развития сюжета в ирландской традиции: здесь победителем оказывается не белый, а тёмный бык; для разъяснения этого он предлагает трактовать donn не как 'бурый' (DIL, s. v. donn 1), а как «вождь» (DIL, s. v. donn 2) и предполагать, что название «Белорогий» могло быть ошибочно перенесено на быка-противника.

С нашей точки зрения, параллель между двумя водными конями в авестийской литературе и появившимися из озера чёрным и светлым конями Кухулина вполне очевидна. Если, как правило, для колесницы выбирались две одинаковые лошади, то сама разница в цвете между Серым и Чёрным может говорить о первоначально различной их функции. Укажем и на ещё одно обстоятельство: в индоевропейской традиции при жертвоприношении коня приносился в жертву один из коней в колеснице: в древнем Риме (ритуал «октябрьского коня») и в древней

¹ Белый скот с красными ушами (иногда и мордами) нередко упоминается в средневековых ирландских памятниках; иногда говорится, что такие коровы происходят из сидов. Есть и упоминания о белых конях с красными гривами и хвостами (monga agus scuaba corra foga), правда, более поздние (SG. I. 25). Здесь у нас нет возможности обсуждать этот вопрос (см. Kelly, 1997, p. 33–34).

Индии это был правый конь в колеснице (West, 2007, p. 418). Можно весьма гипотетически предположить, что сочетание светлого и тёмного коня в колеснице является указанием на древний ритуал жертвоприношения. Нам удалось найти только одно указание на то, с какой стороны был запряжён Серый: это левая сторона, хотя неясно, можно ли в этом отношении доверять такому позднему тексту, как ВМММ-В; в таком случае жертвой мог быть «демонический», чёрный конь.

Если не понимать это указание буквально, то можно найти и указания на жертвоприношения светлого животного (в таком случае это совпадение с сюжетом о темном быке, который убивает и расчленяет светлого). В ведийских текстах героический конь-победитель Дадохкра, запрягавшийся в колесницу (о втором коне ничего не говорится), а, следовательно, и долженствовавший быть принесённым в жертву, носит имя, которое буквально означает «рассыпающий хлопья свернувшегося молока» (EWA, I, 692–693), что может служить указанием на белосерый цвет; тексты о Дадохкре читались во время ритуала жертвоприношения коня (ашвамедхи) (Watkins, 2001, p. 275).

БЕРЕЗКИН Ю. Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог: электронный ресурс // <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/>

БОНДАРЕНКО Г. В. (2007) Повседневная жизнь древних кельтов. М.

БОУРА С. М. (2002) Героическая поэзия. М.

ЗАЙЦЕВ А. И. (2003) Конь предсказывает гибель хозяину (опыт сравнительно-типологического исследования) // Зайцев А. И. Избранные статьи. СПб. Т. 2. С. 55–69.

ЛИПЕЦ Р. С. (1984) Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.

МАЯК И. Л. (1983) Рим первых царей: генезис римского полиса. М.

WROMWICH R. (1997) The Triads of the Horses // *The Horse in Celtic Culture. Medieval Welsh perspective* / ed. by S. Davies, N. A. Jones. Cardiff. P. 102–120.

ШНЕКНОНОВСКАЯ [ZHIVLOVA] N. Y. (2007) Der Wagen und der Wagenlenker in den irischen Heiligenleben // *Akten des 4. Symposiums*

Deutschsprachiger Keltologinnen und Keltologen. Linz, 17.-21. Juli 2005 / hrsg. von H. Birkhan. Wien. S. 99–109.

DOBBS M. E. (1929) The Traditions of Conall Cernach // *The Journal of the Royal Society of Antiquaries of Ireland*. 6th ser. Vol. 19, N 2. P. 116–127.

FORD P. K. (2000) The Ulaid and the Iliad: Some Considerations // *Emania*. Vol. 18. P. 49–56.

KELLY F. (1997) Early Irish farming: a study based mainly on the law-texts of the 7th and 8th centuries AD. Dublin.

KNOCH A. (1943) Von irischen Namensträgern // *ZCP*. Bd. 23. S. 135–201.

KOCH J. (1987) Llawr en asseð (CA 932) “The laureate hero in the war-chariot”: Some recollections of the Iron Age in the Gododdin // *Études celtiques*. Vol. 24. P. 253–278.

MALLORY J. P. (1993) The Archaeology of the Irish dreamtime // *Proceedings of the Harvard Celtic colloquium*. Vol. 13. P. 1–24.

MALLORY J. P. (1998) The Old Irish Chariot // *Mír Curad. Studies in honor of Calvert Watkins* / ed. by J. Jasanoff, H. Craig Melchert, L. Oliver. P. 451–464.

O’FLAHERTY W. D. (1971) The Submarine Mare in the Mythology of Śiva // *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. N 1. P. 9–27.

Ó HÓGÁIN D. (1977–1979) An Capall i mBéalóideas na hÉireann // *Béalóideas*. 45/47. P. 199–243.

OLMSTED G. S. (1994) The Gods of the Celts and the Indo-Europeans. Budapest.

REES A., REES B. (1961) Celtic Heritage: Ancient Tradition in Ireland and Wales. London.

ROSS A. (1967, repr. 1974) Pagan Celtic Britain: studies in iconography and tradition. London.

SAYERS W. (1981) Varia IV. Three charioteering gifts in Táin Bó Cúailnge and Mesca Ulad: Immorchor Ndelend, Foscul Ndíriuch, Léim Dar Boilg // *Ériu*. Vol. 32. P. 163–167.

SAYERS W. (1991) Textual notes on Descriptions of the Old Irish Chariot and Team // *Studia Celtica Japonica*. Vol. 4. P. 15–35.

SAYERS W. (1994) Conventional descriptions of the horse in the Ulster Cycle // *Études celtiques*. Vol. 30. P. 233–249.

SIEWERS A. K. (2009) Strange beauty: Ecocritical approaches to Early Medieval Landscape. N. Y.

THURNEYSSEN R. (1912) Zu irischen Handschriften und Literaturdenkmälern // Abhandlungen der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-historische Klasse. Neue Folge. Bd. 14, N 2. Berlin.

THURNEYSSEN R. (1913) Die Sage von Curoi // ZCP. Bd. 9. S. 189–234.

THURNEYSSEN R. (1921) Die irische Helden- und Königsage bis zum siebzehnten Jahrhundert. Haale (Saale).

WATKINS C. (2001) How to kill a dragon: aspects of Indo-European poetics. Oxford.

WEST M. L. (2007) Indo-European poetry and myth. Oxford.

The King of the Horses of Ireland: the Grey of Macha and other battle-horses in the Ulster cycle

N. Yu. Zhivlova

The article deals with horses which are represented in the stories of medieval Irish Ulster cycle as distinct characters with an emphasis on the Grey of Macha (Líath Macha) — one of the horses of Cú Chulainn. In the stories depicting Cú Chulainn's horses Grey and Black we may discern a contamination of two motives: a horse as helper, born together or at the same night with the hero, and a malignant water-horse (mare), caught by the hero in a lake and tamed, which later returns in the lake, leaving the hero alone. The epic descriptions of the battle-horses often emphasize the likeness between them, but the horses of Cú Chulainn are often described in a quite distinct way, even if the names are not mentioned: the Grey as quick, swan-necked, and the Black as thin-legged and curly-haired. The name Líath Macha may be explained as 'the Grey from Macha' (the ancient capital of Ulster) and 'the Grey (belonging to) Macha'. When Cú Chulainn dies, the Grey, pierced by the venomous spear and harnessed to a broken chariot may be compared with a (dead) red horse which belonged to the goddess Bodhb and described as pierced by the shaft of the wagon. The black and white horse emerging from a lake could also be compared with the Avestan myth of the battle between the star Sirius in guise of a white stallion and his demoniac adversary.

Ulrike Peter

Die Interpretation eines augusteischen Münzmeisterdenars mit dem Tarpeia-Mythos in der Renaissance

Das althistorische Interesse von Ija Leonidovna war vor allem auf die frühe römische Republik gerichtet, und es ging ihr stets um die Auseinandersetzung mit den Quellen. Anlässlich ihres 90. Geburtstages möchte ich ihr deshalb eine kleine Notiz zur Rezeption der Tarpeia-Sage auf einem römischen Münztyp in der Renaissance widmen. Der Exkurs verweist gleichzeitig auf das Projekt „*translatio nummorum* — Die Aneignung der antiken Kultur durch Antiquare der Renaissance im Medium der Münzen“, das ich in den letzten drei Jahren koordiniert habe.¹

Ziel des Verbundprojektes war es, in einer vergleichenden Analyse ausgewählter Publikationen der frühen Neuzeit die Rolle der antiken Münzen bei der Erforschung, Interpretation und (Re-)Konstruktion der antiken Kultur und Geschichte beispielhaft für die Zeit von 49 vor Christus bis 96 nach Christus zu beleuchten. War doch vom 14. bis mindestens ins 18. Jahrhundert die Beschäftigung mit der Numismatik kein Randgebiet und verschrobenes Hobby einiger Sammler, sondern — wie es jüngst Ulrich Pfisterer formulierte — zentrales Signum herausragender Geistesaktivität.² Während die Renaissance die Bedeutung der Antike für die zeitgenössische Kultur erkannte und gerade auch die antiken Münzen als Kulturträger schätzte, hat die moderne Forschung erst in den vergangenen Jahrzehnten begonnen, diese großen Leistungen der Renaissance auf dem Gebiet der Numismatik angemessen zu würdigen.³ Daß gerade die Münzen einen so

¹ Vgl. <http://www.census.de/census/translatio-nummorum>. Das Projekt wurde vom Bundesministerium für Bildung und Forschung finanziert.

² Ulrich Pfisterer: Lysippus und seine Freunde. Liebesgaben und Gedächtnis im Rom der Renaissance — oder: Das erste Jahrhundert der Medaille, Berlin 2008, p. 75–76.

³ So mußte Francis Haskell: Die Geschichte und ihre Bilder. Die Kunst und die Deutung der Vergangenheit, übersetzt von Michael Bischoff, München 1995 [engl. Originalausgabe: History and its Images. Art and the Interpretation of the Past, New Haven / London 1993], p. 24 feststellen: „Tatsächlich gehört die hingebungsvolle Pflege der Numismatik im 16. und 17. Jahrhundert zu den größten, aber am wenigsten beachteten Leistungen der Renaissance auf dem Gebiet der Gelehrsamkeit, vergleichbar nur mit den zeitgenössischen Entwicklungen im Bereich